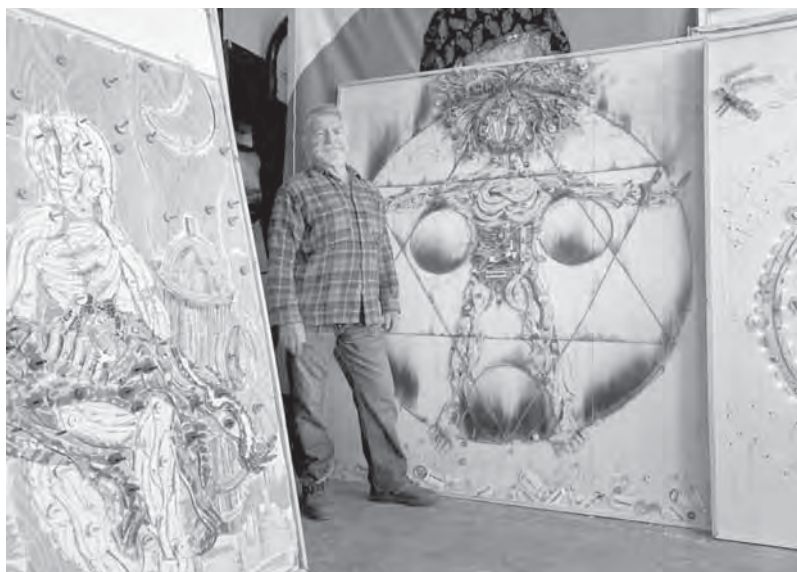

Степан Рябченко

Подождите, подождите...

19 января, будучи в Нью-Йорке, получаю от друга сообщение: «Степин тел. не отвечает... хотел бы повидаться... обнимающуюю. л».

Про Люсьена Дульфана я знал еще с детства, видел его работы и слышал о нем множество историй, которые не перестают удивлять и сегодня. Таким он мне и казался – человеком-мифом. И что интересно, таким он мне и запомнился.

С легендарным одесским художником впервые мы встретились в его студии в индийском районе Джерси на территории Центра современного искусства Mana Contemporary. Компактная, залитая естественным светом мастерская, множество работ и объектов различных лет и серий. Размеры произведений варьировались от помещающихся на ладонь до работ, которые нам приходилось впоследствии переносить вдвоем. Некоторые картины накрыты, художник их пока не показывает. У входа гостей встречает знаменитая музыкальная картина «Ты, моряк, красивый сам собою», рядом висит маленькая скульптурка усатого морячка в тельняшке, играющего на скрипке, на шее которого развевается пакетик, где находится фотография равнина и микросхема с Торой. Не успел я осмотреться по сторонам, как Люсьен попросил прощения и сказал, что вынужден уезжать, нужно внука срочно забирать с тренировки. В связи с этим он был не очень доволен, потому что был на-

крыт стол, к тому же, я принес сладкий наполеон, купленный в магазине неподалеку от Брайтон-Бич.

Люсьен пригласил через пару дней приехать вновь. Хотя я и долго добирался до места встречи, совершенно не напрягся, моей установкой в Нью-Йорке было желание узнать в полноте этот город, и этот случай я воспринял как его неотъемлемую часть. Кстати, как позже мне рассказывал Люсьен, наполеон ему очень помог. В метро он понял, что его телефон разряжен, а ему нужно было срочно связаться с родными. Бартером все удалось решить.

Через два дня, как и договорились, я приехал вновь. Люсьен мне сразу понравился, он много говорил, рассказывал интересные истории, показывал работы и угощал. Как и его сюрреалистичные «ковровые коллажи», он был соткан из парадоксов. Фантазия у него чередовалась с реальностью, мистика с бытом, ирония с глубокими мыслями. Он не примыкал к конкретным художественным группам и течениям, но в его работах все переплеталось в сложный своеобразный мир художника. Ни под каким предлогом возвращаться в Одессу не хочет, но другим в обиду ее не дает. Он терпеть не мог Союз художников, но получил всесоюзную премию в 1975 году. Таких историй было множество. Также я хотел бы отметить, что кроме колоссальной творческой энергии Люсьен обладает огромными запасами физической силы. В 78 лет он продолжает писать монументальные полотна и мастерить объекты, самостоятельно делает подрамники и переносит тяжелые работы по своей студии... Я думаю, если можно было бы поместить в алхимический сосуд Сальвадора Дали и Ивана Поддубного и залить все это излюбленной художником водкой на инжире, то, возможно, получился бы Люсьен Дульфан.

Последние работы художника собраны в серию «Бездомный» – большеформатная рельефная живопись из фанеры и различных подручных материалов, найденных на улице. Я не оговорился, именно живопись. За что бы ни взялся художник и какие бы средства выражения ни использовал, у него всегда выходит живопись... экспрессивная, колористически выверенная, с проекцией исторических и фундаментальных догматичных

сюжетов на сегодняшний день. Фон задается естественной текстурой дерева, детали сформированы из обрезков и процарапывания, цвет наносится краской, выпаливанием и инкрустированными микросхемами выброшенных компьютеров. В один момент в голове всплывают проблемы экономики и окружающей среды, религиозные сюжеты и технологический прогресс, который ведет непонятно кого непонятно куда. Антиутопия... Еще один момент, который мне бросился в глаза, – это качество исполнения. Все работы художника, которые мне доводилось видеть и держать в руках, будь то сочная живопись на холсте или же многослойный деревянный рельеф – все сделано на века... крепкие, как и их создатель. К слову, в тот день я ушел не с пустыми руками и, конечно, был очень счастлив. Художник подписал мне свой каталог и одарил фирменным «Поцелуем» 1982 года, который благополучно долетел до Одессы и уже занял свое почетное место на белоснежной стене.

Третья наша встреча произошла в Нью-Йорке в районе Челси, встретились под Хай-Лайном. Сразу договорились не сильно задерживаться в галереях, только там, где будет что-то интересное. В свои годы Люсьен прекрасно разбирается в современных течениях, часто себя критикует, но и хвалить свои достижения также не забывает, терпеть не может фальши и всегда остается верен таланту мысли и исполнения. Знаком

и находится в хороших отношениях с Ильей Кабаковым, Олегом Целковым, с большим почтением вспоминает Леонида Сокова. По дороге много рассказывал с уважением о своих знакомых и друзьях, о том, что очень хотел бы издать большую книгу своих воспоминаний о тех, с кем начинал, с кем живет, и о тех, кого уже нет рядом.

В последний раз перед моим отлетом мы вновь встретились в студии художника. Я пришел познакомиться его со своим другом, куратором. Поговорили о творчестве, одесском и московском периодах в жизни художника, сорокалетнем скитании еврейского народа, тонкостях живописи, деньгах и надеждах... Время быстро пролетало, нужно было спешить домой, начали прощаться...

- Подождите, подождите... Тут вот посылочка, моему дорогому другу в Одессе.

- Люсьен, мои сумки забиты до упора, это очень непростая задача...

- Степа, не надо переживать, я вас сейчас всему научу. Берете посылочку, привязываете ее с внешней стороны багажа и идете отдыхать в самолет. Счастливого пути! Счастливого пути!

Фото автора

